

М. Б. Павлова

ЛЕГЕНДА О ПОЭТЕ-РЕБЕНКЕ. САМБАНДАР: МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу жития и творчества тамильского средневекового святого Самбандара (VII в.). Согласно легенде, он прожил всего 16 лет и, будучи поэтически гениальным ребенком, создавал и пел гимны, посвященные индускому богу Шиве, не уступавшие в мастерстве творениям его современников. Сравнивая гимны поэта с их гимнами, автор пытается выявить свидетельства, так или иначе указывающие на малый возраст поэта, — упоминание о себе как о ребенке, отсутствие покаянной тематики и отражения любовных отношений с женщинами, почти не выраженный в творчестве элемент «личностного опыта» в рамках средневековой традиции и т.д. При ряде неразрешенных загадок, касающихся реальной истории жизни и творчества чудесного мальчика-святого, проделанный в статье анализ показывает, что поэтическая фигура Самбандара представляет собой довольно искусно сконструированный предполагаемыми редакторами его творчества миф, ставший частью шиваитской мифологии и государственной религиозной идеологии того времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Южная Индия, наянаны, Шива, тамильское бхакти, поэт-ребенок

УДК 2-291(540)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-3(9)-43-54

ПАВЛОВА МАРИЯ БОРИСОВНА — к.филол.н., независимый исследователь, участник еженедельного семинара «Классическая тамильская литература (чтение и изучение древних и средневековых тамильских текстов)», Институт классического Востока и античности при Высшей школе экономики (Россия, Москва)

E-mail: marpa470@gmail.com

В истории средневековой религиозной литературы юга Индии особое место занимает творчество тамильского поэта Самбандара — одного из самых известных святых-наянаров¹ (рис. 1), адептов бога Шивы. Этот поэт жил, предположительно, в VII в., и с его именем связано окончательное укрепление брахманского индуизма (шиваизма) на тамильской земле, произошедшее на фоне религиозной борьбы последователей индуизма с джайнами и буддистами.

Когда речь идет об изучении жизни и творчества средневековых святых (и это касается практически всех региональных традиций Индии), то исследователи обычно сталкиваются с немалыми трудностями, поскольку реальные факты жизни в житиях обрастают легендами, исполненными чудес, а подлинное творчество подвергается канонической редакции. Отсеять факты от легенды чаще всего невозможно, тем более при отсутствии каких бы то ни было исторических свидетельств. В свете этой проблемы фигура поэта Самбандара особенно загадочна: из жития о нем известно, что он был гениальным ребенком, начал слагать и петь гимны Шиве в три года, обратил в шиваизм царя Пандьев в результате победы в состязании с джайнами, ушел из жизни в 16 лет во время своей свадьбы. До нас дошли 384 гимна поэта в сборнике «Деварам» (X–XI в.), который был составлен несколькими веками позже систематизатором гимнов наянаров Намби Андар Намби по приказу царя Чолов Апайакуласекарана, когда происходила «официальная» канонизация тамильской шиваитской традиции². Согласно житийной истории, большую часть этих гимнов Самбандар создал в детском возрасте, но по своим поэтическим достоинствам они находятся на уровне творчества гениального взрослого поэта, хорошо знакомого с темами и приемами древней тамильской поэзии *санги*³. Возможность такого феномена в нашем современном понимании объяснить довольно сложно: слишком уж он приближается к чуду или вымыслу агиографа.

Статья представляет собой попытку внести вклад в исследование данной проблемы. Я попыталась сопоставить житие поэта с текстами его гимнов с целью выявить в них моменты, хоть как-то указывающие на то, что их авторство действительно могло принадлежать ребенку. Другой моей задачей стал краткий сравнительный анализ гимнов Самбандара и гимнов других поэтов-наянаров в сборнике «Деварам» — Аппара (VII в.) и Сундарара (VIII в.), а также Маниккавасахара (IX в.)⁴ (на основе житий известно, что эти поэты создавали гимны в зрелом возрасте) и выявление отличительных особенностей творчества Самбандара.

ЧУДЕСНАЯ ЖИЗНЬ САМБАНДАРА

Изложу анализ основных эпизодов жития поэта на материале сборника житий наянаров «Перияпуранам» Секкижара (XII в.)⁵, где жизнеописание Самбандара приводится в подробностях, которые здесь придется опустить.

Самбандар родился в брахманской семье. С первых строф жития автор дает указание на его великую миссию. Отец будущего поэта Сивападахирудайяр (*civapātahirutayar*) был чрезвычайно расстроен тем, что повсюду распространяются «лживые учения низменных джайнов и буддистов»

¹ Тамильское название «наянары» происходит от санскритского корня *naṇa-* ‘стремиться, любить, почитать’, ‘вести за собой’. *nāṇār* ‘проводники [к Шиве]’.

² Как известно, при жизни Самбандара существовали рукописи его гимнов на пальмовых листьях, хранящиеся в общинах бхактов. Традиция исполнения гимнов могла долгое время поддерживаться изустно до их канонизации в сборнике «Деварам» (см.: Павлова 2014: 67). Подробно об истории создания «Деварама» см.: (Павлова 2014: 74–81).

³ В данном случае под *сангой* (*saṅgam*) подразумевается «поэтическая академия», которая с глубокой древности существовала на тамильской земле под покровительством царей династии Пандьев. Подробнее о поэзии *санги*, ее характеристиках и датировке см.: (Бычихина, Дубянский 1987: 7–33).

⁴ Маниккавасахар считается автором знаменитой поэмы «Тирувасахам» (*tiruvācakam* ‘священное речение’), которая составляет восьмую часть священного шиваитского канона «Тирумурей», следующую за его первыми семью частями (сборник «Деварам»). Трех упомянутых поэтов «Деварама» вместе с Маниккавасахаром в традиции тамильских бхактов принято называть «священной четверицей» (*nālvār*).

⁵ Помимо оригинального текста «Перияпуранам» на тамильском языке (Periya Purāṇam 1970), я пользовалась другими сокращенными вариантами этого произведения: изданием миссии Рамакришны (Periya Purāṇam 1985), а также изданием ашрама Шри Раманы Махарши (Periya Purāṇam 2008).

(*mētiṇimēl camāṇ kaiyar cākkiyar tam poymihunta...* 1916-1), «традиционное учение древних Вед приходит в упадок» (*āti arumaṇrai vaḷakkam aruki* /1916-2/) (Periya Puraṇam 1985: 147). Тогда он начал совершать «похвальную аскезу» (*pōrrum tavam*) ради рождения сына, который бы «низверг и обратил враждебные религии в пепел» (*para camayam nirākarittu nīr ākkum...*⁶ 1917-3) (Periya Puraṇam 1985: 148). Молитвы Сивападахирудайяра и его благочестивой жены были услышаны, и у них родился мальчик. Важное событие в житии Самбандара — его божественная инициация. Когда ему было три года, отец взял его с собой в храм. Оставив маленького сына на ступенях священного водоема, он пошел совершать омовение. Потеряв отца из вида, ребенок заплакал и стал звать родителей. И тогда перед ним явился сам Шива с богиней Парвати, которая напоила ребенка молоком, сцеженным из своей груди в золотую чашу, в результате чего тот обрел божественное истинное знание (полное имя поэта Тирунянасамбандар; *tiruñāṇacampantar* — тамильский вариант санскритского имени, которое в переводе означает «связанный со священным знанием»). Сивападахирудайяр, вернувшись после омовения, увидел на лице сына следы от выпитого молока и, решив, что кто-то в его отсутствие и без его ведома напоил мальчика молоком, рассердился, так как принимать пищу из рук чужих (особенно если это были люди более низкого социального статуса) считалось ритуальным осквернением для брахмана. Отец, пытаясь ударить мальчика, в гневе закричал: «Кто посмел напоить тебя молоком?» Именно в этот момент Самбандар спел свой первый гимн-падигам⁷, проявив гениальный поэтический дар. Первая его строфа содержала описание внешнего облика Шивы:

Он тот, кто носит в ухе женскую серьгу,
Осыпанный пеплом с пустыря, где сжигают трупы,
Украшенный молодым сияющим месяцем,
Восседающий на быке!
Тайный вор похитил душу мою!
Не он ли тот великий,
Пребывающий в славном Брахмаपुरаме,
Даровавший милость Брахме,
Сидящему на цветке с лепестками прекрасными,
Который поклонился и восхвалил его когда-то?! (I-1-1)⁸

Услышав такой «ответ», отец поверил, что его маленький сын обрел благословение Шивы.

Здесь важно обратить внимание на то, что трехлетний поэт использует образы и поэтические условности, закрепленные каноном поэзии *сангу*: Шиву называет — «вор, похитивший душу» (*uḷḷai kavār kaḷvaṇ*), что является частым обращением от лица героини к герою в любовной лирике *ахам*⁹. Кроме того, ребенок демонстрирует знание индусской мифологии и упоминает бога Брахму.

⁶ В переводе я использовала более подходящее, на мой взгляд, в русском языке выражение «обратить в пепел», хотя выражение *nīr ākku* дословно переводится как «обратить в воду», чему у нас напрямую соответствует разговорное «оставить (от чего-либо) мокрое место».

⁷ Название жанровой формы религиозного гимна «падигам», вероятно, происходит от санскритского *padya* 'строфа', 'стихотворение'. Падигам у Самбандара состоит обычно из 10 строф, содержащих хвалебное описание Шивы в конкретном священном месте, к которым добавляется 11-я строфа, повествующая о выгодах общения с этой поэзией (*пхала-ирути* или *ирути-пхала* — санскр. «выгода от слушания»).

⁸ *tōṭu uṭaiya seviyaṇ viṭai eṇi oṅ tū veṇmati cūṭi*
kāṭu uṭaiya cuṭalaiṇ potṭi pūci eṇ uḷḷam kavār kaḷvaṇ
eṭu uṭaiya malarāṇ muṇaināḷ paṇintu eṭta aruḷceyṭa
rīṭu uṭaiya piṇamāpuraṇ mēviya remmāṇ ivaṇ aṅṅē
Здесь и далее нумерация падигамов Самбандара, а также двух других поэтов «Деварама» Аппара и Сундарара приводится по двухтомному изданию (Tēvāgam 1984a), (Tēvāgam 1984b — 1985) в последовательности: номер части сборника — номер падигамы — номер строфы. I—III части «Деварама» содержат творчество Самбандара, IV—VI — Аппара, VII — Сундарара. Перевод с тамильского языка, если не оговорено иное, — мой.

⁹ *Ахам* (*акат* 'нечто внутреннее') — одна из двух содержательных категорий древней тамильской поэтики (другая — *пурам* 'нечто внешнее'). Если поэзия *пурам* по преимуществу героическая и панегирическая, то содержанием поэзии *ахам* являются различные перипетии любовных и семейных отношений. См.: (Бычихина, Дубянский 1987: 7).

Эпизод жития о явлении Шивы с Парвати знаменует чудесное открытие в маленьком Самбандаре поэтического дара и священного знания, в чем можно усмотреть яркое проявление мотива избранничества. Шива и Парвати выступают как «приемные родители», в сущности, истинные родители этого необычного ребенка. После упомянутого события трехлетний Самбандар в сопровождении отца начинает свою легендарную миссию и проводит время в паломничествах, воспевая славу Шивы и собирая толпы бхактов вокруг себя. В житии упоминается следующая деталь: маленькому поэту в начале его первого паломничества тяжело было ходить пешком на большие расстояния, и он, как правило, путешествовал, сидя на плечах отца. За свою короткую жизнь Самбандар посетил множество тамильских поселений с шиваитскими святынями (некоторые по несколько раз) и каждому из них поэт посвящал гимн-*nadugam* (Тирукколакка /*tirukkōlakkā* I-23/, Тирунанипалли /*tirunanipalli* II-84/, Талейччангаду /*tiruttalaiccaṅkāṭu*/) и т.д.

Житие Самбандара исполнено традиционных для агиографий святых чудес. Среди них исцеление больных (например, эпизод с исцелением дочери царя Коллимажавана и царя Пандьев в Мадурай), воскрешение из мертвых (эпизод с воскрешением девушки Пумбавей в городе Майилей и жениха дочери Тамана в Тирумарухале, умерших от укусов змеи), чудесные видения (глядя на группу брахманов по дороге в Чидамбарам, Самбандар вдруг увидел, что это ганы — мифические существа из свиты Шивы), получение от Шивы чудесным образом возникших различных материальных даров (золотые цимбалы в Тируколакка, жемчужный паланкин в Араттурейе и Маранбади, сумка с тысячью золотых монет для жертвоприношения в Тирувавадудурейе). Мною перечислены лишь некоторые из множества чудес, благодаря которым, помимо своего поэтического таланта, Самбандар обрел славу на тамильской земле. Согласно житию, поэту-ребенку воздал почести его старший современник — другой великий поэт-наянар Аппар, вместе с которым Самбандар впоследствии совершал некоторые из своих паломничеств (рис. 2). Легенда повествует о том, что во время паломничеств поэта сопровождал известный музыкант Тирунилакандра Яльпанар, который аккомпанировал на яле¹⁰ Самбандару, когда тот пел гимны.

Поэт особенно прославился своей яростной борьбой с буддистами и джайнами. Центральный эпизод его жития — обращение в шиваизм пандийского царя.

Согласно повествованию Секкижара, царица династии Пандьев Мангейярккараси пожелала, чтобы Самбандар пришел в город Мадурай, поскольку она, почитая Шиву, чрезвычайно страдала из-за того, что ее супруг, пандийский царь, оставил шиваизм и обратился в джайнизм, а шиваиты в государстве всячески притеснялись. С ведома царя джайны подожгли здание, где поэт остановился вместе с бхактами. Как только огонь стал охватывать здание, Самбандар спел гимн (III-51), где обратился к Шиве с просьбой прекратить огонь в здании и наслать нестерпимый жар на того, кто повинен в поджоге. В тот же момент царя поразила страшная болезнь. Он предложил и джайнам, и Самбандару доказать истинность их религий через попытку его исцелить. Джайнские монахи не сумели этого сделать, в то время как Самбандар, спев падигам (II-66), помазал пеплом тело царя, и в то же мгновение к нему пришло исцеление. Однако джайны снова пришли к царю и сказали, что хотят вступить в новое состязание с поэтом. Условия были таковы, что каждая из сторон должна была написать принципы своей религии на пальмовых листьях и бросить в огонь. Религия того, чей лист не сгорит в пламени, будет признана истинной. Самбандар положил в центр пламени один из листов рукописи своих гимнов. И произошло чудо — огонь его не тронул, в отличие от листа джайнов. Джайны потребовали нового испытания и условие поставили следующее: листья опустят в воды реки Вайгай, и тот, чей лист не утонет, а поплывет вверх по течению и прильнет к берегу, будет признан победителем. Царский министр Кулаччирейяр, рассерженный глупым упорством джайнов, при этом потребовал, чтобы для проигравших спор было определено наказание. Джайны в ярости ответили, что проигравший будет посажен на кол. Лист джайнов унесло течением, а лист с падигамом Самбандара поплыл против течения и прильнул к берегу

¹⁰ Яль — популярный на юге Индии струнный музыкальный инструмент.

в местечке Тируведахам. Одной из фраз падигама было *vēntaṇṇum ḍṅkuka* (III-54-1), что означает «Да возвысится царь!» Как только прозвучали эти слова, у царя, который был горбатым (его называли Кунпандиян — «горбатый Пандиян»), исчез горб на спине. По приказу царя, обратившегося в шиваизм, упорствующих в своем невежестве джайнов посадили на кол.

Сопровождаемая чудесами жизнь святого так же чудесно и завершилась. Когда поэту исполнилось 16 лет, его родители решили, что ему необходимо жениться. По легенде, во время свадебного обряда в местечке Тируналлурпперуманам Самбандар спел свой последний гимн, где святой обратился к Шиве с горячей молитвой, чтобы тот позволил слиться с ним:

Не для меня свадебный ритуал,
В котором невеста всходит на каменный жернов¹¹.
Я спел множество гимнов во множестве городов,
Начиная с Кажумалама.
Неужели они не принесли плодов,
О бог, увенчанный ароматными цветами моих слов,
О господин, пребывающий в Наллур Перуманаме,
Доме для твоих бхактов?! (III-125-1)¹²

Шива появился в форме огромной колонны (*лингама*) из света. Поэт, взяв за руку свою юную жену, вошел с ней в этот свет, и они в нем растворились, обретя духовное Освобождение (*мокшу*), слияние с Шивой.

ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ПОЭТА-РЕБЕНКА

Творчество Самбандара отличают от гимнов двух других поэтов «Деварама» — Аппара и Сундарара, а также Маниккавасахара — следующие особенности.

Обычно лирике бхактов присущи мотивы покаяния и самоуничижения. Так, в гимнах Аппара, Сундарара и Маниккавасахара они занимают важное место и встречаются довольно часто.

Приведу яркие примеры из творчества Аппара: «Я раб, подобный собаке, я не способен оставить жажду богатства, я не могу дать даже немного нуждающимся, я пребывал в заблуждении, внимая наставлениям джайнов...»¹³ (IV-13-1), «Я не могу жить, следуя праведности, я лишен чистоты, не совершая ежедневного поклонения, я не постигаю смысла священных текстов, Тебя [Шиву] в сердце поместить не способен...»¹⁴ (IV-26-3), «...я не постигаю сущность иллюзии, будучи в смятении ума, я был подобен демону-пей и птице кухай¹⁵...»¹⁶ (IV-31-7), «...живя без привязанности [к Богу], я совершал бесполезные действия, я соответствовал высказыванию “низкие люди ничего не поймут, пока не столкнутся с трудностями”¹⁷. Чем мне себя считать! Что мне делать?! Из-за страданий [которые мне пришлось преодолеть], я не изучил священных текстов...»¹⁸ (IV-31-8) и т.д.

¹¹ Характерный элемент индийского свадебного ритуала, символизирующий крепость семейных уз.

¹² kal ūṛṛ peru maṇam vēṇṭā kaḷumalam
paḷūṛṛ peru maṇam pāṭṭu meṇ āytila
col ūṛṛ peru maṇam cūṭalarē! toṇṭar
nallūṛṛperumaṇam mēya nampāṇē

¹³ viṭakilēṇ aṭināyēṇvēṇṭiyakkāl yātoṇṇum
iṭakilēṇ amaṇarkaḷtam aṅṅai kēṭṭu alamantēṇ...

¹⁴ nīṭiyāl vāḷamāṭṭēṇ nittalum; tūyēṇallēṇ;
ḍīyūm uṇaramāṭṭēṇ uṇṅai uḷ vaikkamāṭṭēṇ...

¹⁵ Птица кухай (*kūkai*), разновидность совы, характеризуется тем, что она слепа при дневном свете, и поэтому в дневное время мечется в смятении. Поэт Аппар сравнивает себя с этой птицей с целью подчеркнуть свое невежество и беспомощность.

¹⁶ māyattai aṅṅiyamāṭṭēṇ maiyāl koḷ maṇattāṅṅai
pēy ottu kūkai āṇṅē...

¹⁷ В русском языке аналогом может служить пословица «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

¹⁸ paṅṅu ilā vāḷkkai vāḷntu pāḷukkē nīṛ iṅṅaitṭēṇ
uṇṅalāl kayavar tēṅṅar eṇṅum kaṭṭuraiyōṭu ottēṇ
eṅṅu uḷḷēṇ eṇ ceykēṇ nāṅ iṭumpaṅyāl nāṅamētum
karrilēṇ...

У Самбандара такие мотивы практически отсутствуют. Если в его творчестве как редкое исключение все же встречаются самоуничжительные шаблонные слова типа *nāyēṇ*, «я — пёс» (I-50-4), *atiyēṇ* «я — раб» — они выглядят скорее как дань традиции¹⁹, а более подробных и конкретных покаянных излияний души не встречается почти вовсе. Это говорит в пользу того, что поэт мог быть ребенком и еще не успел нагрешить, чтобы раскаиваться в каких бы то ни было своих поступках.

Другой важной чертой творчества Самбандара является то, что в его гимнах совершенно отсутствует тема личных или обобщенно-личных любовных отношений с женщинами. У Аппара, Сундарара и Маниккавасахара она довольно ярко представлена в рамках «покаянной» тематики и зачастую может указывать на некий субъективный опыт в прошлом и настоящем. Например: «[мое] время прошло [напрасно] в восхвалениях женщин, чьи волосы украшены цветами»²⁰ (Аппар, IV-41-7), «Когда я пребывал вместе с женщинами, чьи нежные ступни ног подобны хлопку, они постоянно причиняли боль [моему] сердцу. Всякий раз, когда я размышлял [о Боге], они не позволяли этого делать...»²¹ (Аппар, IV-52-3), «...я стал опустошенным, думая, что мое прибежище — женщины сладкоречивые с ниспадающими локонами»²² (Аппар, IV-52-5), «то, что я получил от союза с прекрасными женщинами, — страдание великое»²³ (Аппар, IV-52-8), «...я, раб [Шивы], пойманный в ловушку женщин блестящелобых, не мог освободиться, подобно муже, застрявшей [в мякоти] плода хлебного дерева»²⁴ (Сундарар, VII-3-9), «Я больше не целую алых губ женщин, чьи пышные груди исполнены захватывающей красоты»²⁵ (Маниккавасахар, VI-2²⁶) и т. д.

У Самбандара тема прекрасных женщин представлена лишь отстраненными описаниями, при этом поэт включает таких женщин в число бхактов Шивы.

«...когда танцуют... женщины со вздымающейся нежной грудью»²⁷ (I-7-2), «...где происходят моления, когда восхваляют [Шиву] люди, начиная с женщин блестящелобых»²⁸ (I-1-9), «...где восхваляют [Шиву] вместе со своими супругами женщины, руки которых украшены браслетами»²⁹ (I-7-1), «юные женщины, красиво украшенные»³⁰ (I-7-3), «мечущие взгляды из-под бровей обладательницы полной груди, трепещущей талии и лона высокого, прикрытого одеждой»³¹ (I-9-9), «когда прекрасные песнопения куриньджи поют простодушные девушки с черными локонами, полными цветов»³² (I-12-10), «...где много благих [женщин] с грудью упругой, сражающе красивой, украшенной и привлекательной»³³ (I-87-4), «...где наслаждаются женщины, подобные лотосам в прудах»³⁴ (I-8-3), «...где погружаются девушки в пруд, изобильный бутонами синих лилий и золотых лотосов»³⁵ (I-5-10), «...где обучают языку попугаев, которыми полны рощи, девушки

¹⁹ Такого рода высказывания, которые можно считать самоуничжительными, согласно традиции, вместе с тем выражают и так называемую эмоцию преданности и верности патрону.

²⁰ kontu āṇ pūṇ kuḷaliṇāraik kūṇiyē kālam pōṇa...

²¹ pañciṇ melaiyiyiṇarkaḷ pāṇkarāy avarkaḷ niṇṇu neñcil nōyṇpalavum ceytu niṇaiyiṇum niṇaiya oṭṭār...

²² tāḷkuḷal iṇcol nallāṇtaṅkaḷait taṅcam eṇṇu(v) ēlaiyēṇāki...

²³ kārikaiyārōṭu āṭip peṇṇatēl peritum tuṇṇam...

²⁴ ... vāṇ āṇ nutalāl valaiṇṇaṭṭu aṭiyēṇ, palaviṇkaṇi tātu pōlvataṇ...

²⁵ koḷḷār piḷavahalāṭṭaṭaṇ koṅkaiyar kovvaic cevṇvāy viḷḷēṇ...

²⁶ Цитата из поэмы Маниккавасахара «Тирувасахам» приводится по изданию Поупа (The Tiruvacakam... 1900) в нумерации: номер части поэмы — номер строфы.

²⁷ poṅku iḷameṇmulaiyārkaḷōṭum ... āṭa...

²⁸ vāḷnutal ceṇ makaḷiṇ mutal ākiya vaiyattavar ēṭta...

²⁹ cūṭaka muṇkai maṇantaimārkaḷ tuṇaivaroṭum toḷutu ēṭti vāḷṭta...

³⁰ puṇaiyiḷaiyār

³¹ tūcu ēṇiya alkul tuṇiṇaiyār, tuṇaimulaiyār,

vīcu ēṇiya puruvattavar

³² malar āṅkarukukuḷal maṇavār kaṭikuṇiṇci atu pāṭi...

³³ kavaram aṇi kollaik kaṭiya mulai nallār...

³⁴ cērum poykaip paṅkayamaṅkai virumpum...

³⁵ poṇ iyal tāmarai, niḷam, neyṭal, pōṭukaḷāl polivu eytu poykai, kaṇṇiyartām kuṭai...

с тонкими талиями, совершенно искусные в игре в мяч»³⁶ (I-4-2), «...где танцуют на базарных улицах, полнящихся золотом и драгоценными камнями, юные женщины, тела которых украшены цветами»³⁷ (I-7-7) и т. д.

Как видно, некоторые описания исполнены эротизма, но они строго выдержаны в рамках канона поэзии *санги* и в них ничто не намекает на опыт личных отношений.

Особым образом тему женской красоты у поэта отражает падигам III-87, каждая строфа которого содержит описание прекрасной груди богини Парвати. Создание такого падигама, очевидно, имеет связь с эпизодом жития Самбандара, когда его в три года божественная супруга Шивы напоила своим «молоком истинного знания», сцеженным из груди в золотую чашу.

Иногда у поэта встречаются падигамы, созданные как бы от лица влюбленной в Шиву девушки (I-1, I-60, III-116) или ее матери (II-23) — чисто поэтическая условность в рамках канона *ахам*, что опять же не может никак указывать на субъективный любовный опыт.

В гимнах Самбандар почти не говорит о себе, что заметно при их сравнении с творчеством других наянаров, которые довольно часто употребляют глагольные формы первого лица единственного числа, имеющие окончание *-ēṇ* (гораздо чаще, чем местоимение *nāṇ* 'я'). Например, у Аппара, по моим наблюдениям, при описаниях Шивы и обращениях к нему в гимнах периодически встречаются эмоционально окрашенные упоминания о прошлом святого, его личной истории. Это описания того, как он был джайнским монахом (IV-13-1, IV-39-1, IV-72-3 и др.), как заблуждался, ошибаясь в религиозных взглядах (IV-31-7, IV-31-8, IV-54-4, IV-96-4 и др.), воспоминания об издевательствах со стороны джайнов, в том числе попытках его отравить и утопить в океане (IV-70-5, IV-91-3, IV-11-1, V-72-7 и др.), воспоминания о том, как он мучился от болезней кишечника и воспаления суставов, которые, как считал поэт, возникли от его несправедливого поведения и от которых Шива его впоследствии исцелил (IV-1-1, IV-1-2, IV-1-5, IV-1-7, IV-52-2, IV-91-5, IV-91-6, IV-99-1 и др.), упоминания о своих снах в конкретных местах, когда Шива являлся поэту (IV-44-9, IV-75-9, IV-97-4, V-50-2 и др.), а также видениях ему Шивы наяву (V-17-1, V-50-3, V-62-2 и др.). В гимнах Сундарара также достаточно упоминаний личного: например, говорится о проблеме отсутствия денег и семейной ситуации (VII-5-3, VII-5-4), о его болезни, когда он потерял зрение (VII-3-3, VII-3-6) и т.д.

Самбандару-ребенку почти нечего вспоминать. Его гимны в основном носят отстраненно-описательный характер: это касается не только описаний прекрасных женщин, но и многих других описаний (облика Шивы, благочестивых бхактов, пейзажей и т.д.). Вместе с тем его гимны насыщены элементами обобщенной (и порой эмоциональной) проповеди, направленной против джайнов и буддистов.

Глаголы, причастные имена и местоимения в форме первого лица единственного числа у него если и встречаются, то, как правило, когда речь идет о поэтической условности, например восхваление Шивы происходит от лица героини в рамках канона *санги* или, как уже упоминалось, в шаблонных для лирики бхактов словах типа «я — собака» и «я — раб».

Во всем его огромном творчестве, составляющем около четырех тысяч строф (384 падигама), которое больше по объему, чем у каждого из двух других поэтов «Деварама» (у Аппара — 312 падигамов, у Сундарара — 101), мне встретилось лишь несколько примеров, где упоминаются события его жизни и где это явно следует из текста (поэт говорит «о себе»). Число таких примеров составляет всего шесть. Еще в нескольких примерах косвенно можно догадываться о тех или иных событиях, касающихся чудес, происходивших в присутствии поэта. Поскольку основных примеров единицы и их легко перечислить, приведу некоторые из них.

³⁶ kaḷal malku pantoṭu ammāṇai muṇṇil karraṇavar, ciṇṇiṭaik kaṇṇimārkaḷ,
poḷil malku kiḷḷaiyaic col payiṇṇum...

³⁷ pūvaṇa mēṇi ḷaiya mātar, poṇṇum maṇiyum koḷittu eṭuttu,
āvaṇavīṭiyil āṭum...

В этой строфе Самбандар ретроспективно упоминает об эпизоде с отцом и выпитым молоком Парвати (пожалуй, это единственная строфа, содержащая «воспоминание из жизни»):

Когда меня упрекал рассерженный отец,
 Который отринул как вредоносный предмет
 Сладостную пищу священного знания,
 Поданную в золотой чаше, подобной цветку,
 Великий бог завладел мной.
 Он прекрасный бог, носящий
 Золотую серьгу в ухе
 И пребывающий вместе с богиней простодушной
 В изобильном городе Кажумаламе! (III-24-2)³⁸

Падигам III-51 связан с эпизодом, когда джайны по приказу пандийского царя подожгли *мадам*³⁹ в Алавае, где остановились Самбандар и сопровождавшие его бхакты-шиваиты. Самбандар просит Шиву отвлечь пламя от благочестивых бхактов и обратить его против царя:

Спаси меня,
 О красный господин, живущий в священном Алавае!
 Сделай так, чтобы пламя,
 Зажженное лживыми джайнами, дабы уничтожить меня,
 Постепенно поглотило пандийского царя! (III-51-1!)⁴⁰

Когда джайны вызвали поэта на испытание, Самбандар спел падигам, обращенный к пандийской царице, которая, как известно из жития, очень боялась за святого. Это единственный падигам в творчестве поэта, где тот обращается к конкретному лицу. Здесь же он указывает на свой юный возраст, называя себя (в глазах царицы) ребенком (а именно: *pāl nālvāy orupāḷaṅ*, что дословно можно перевести как «дитя, чей благой рот в молоке»):

Ланеокая госпожа, великая пандийская царица, послушай!
 Не бойся за мою безопасность, считая меня ребенком,
 У которого еще не обсохло молоко на губах!
 С господином Алавая, который вместе со мной,
 Я легко одержу победу над теми негодьями,
 Которые совершают множество извращенных ритуалов,
 Живущими на великом Слоновом холме и в других местах! (III-39-1)⁴¹

Поэт обращается и к Шиве с мольбой милостиво даровать ему победу в состязании с джайнами:

О наш господин, находящийся в основе всего,
 Ты тот, чья слава должна звучать на весь мир,

³⁸ pōtai āṛ poṅ kiṅṅattu aṭicil pollātu eṇat
 tātaiyār muṇivu uṛa, tāṅ eṇai āṅṭavaṅ
 kātai āṛ kuḷaiyiṅṅaṅ kaḷumala vaḷa nakar
 pētaiyā! avaḷoṭum peruntakai iruntatē

³⁹ *Мадам* — тамилский вариант санскр. слова *matha* — обозначает священное место, в котором расположен храм Шивы и паломнический центр, где бхакты получают ночлег и бесплатную пищу.

⁴⁰ ceuyaṅṅē tiru ālavāy mēviya
 aiyaṅṅē aṅcal eṅṅu aruḷcey eṇai
 poyyar_āṁ_amaṅṅar koḷuvum cuṭar,
 paiyavē ceṅṅu, pāṅṅiyarṅku ākavē

⁴¹ māṅṅiṅ nēr viḷi mātarāy! vaḷutikku mā peruntēvi! kē!
 pāl nal vāy oru pāḷaṅ ṅṅku iṅṅa eṅṅu nī parivu eytiṅṅē!
 āṅṅaimāmalai āti āya iṅṅaḷaiḷ pala allal cēr
 iṅṅarkaṭṅku eḷiyēṅ alēṅ tiru ālavāy araṅ niṅṅkavē

Всевышний, чье тело едино с богиней!
Разве твоя милостивая воля в том,
Чтобы я проиграл спор с джайнами и буддистами,
Которые не уважают другие религии
И бродят, клеветая на Веды и жертвоприношения? (III-108-1)⁴²

Строфа из гимна, спетого Самбандаром во время своей свадьбы, уже упоминалась выше.

Информации из творчества, как видно, недостаточно, чтобы составилось представление о личности поэта, пусть всего лишь воображаемой в рамках традиции. Две основные черты его образа, которые можно выявить: а) свойственная всем бхактам неистовая любовь к Шиве и б) ярко выраженная неприязнь к джайнам и буддистам (в каждом гимне в десятой строфе звучит хула в их адрес) — носят слишком общий характер.

Несмотря на то что поэт и говорит «о себе» и событиях «своей» жизни, субъективный элемент в строфах не проявлен. Его практическое отсутствие отметил еще А. М. Пятигорский, когда сравнивал творчество поэтов-наяноров (Пятигорский 1962: 104–105). У других поэтов «Деварама» субъективных элементов заметно больше. Говоря о субъективности творчества наяноров, конечно, необходимо учитывать, что она условна изначально и предстает в общем контексте проблемы авторства и отражения личности в средневековом сознании, другими словами, отражение личности в Средневековье отличается от ее отражения в современную эпоху тем, что обусловлено традицией.

САМБАНДАР КАК ОСОБЫЙ ТИП БОЖЕСТВЕННОЙ «ЛИЧНОСТИ»

В традиции наяноров Самбандар рассматривается как особый тип бхакта — божественной «личности». Указания на это есть прежде всего в тексте его жития в «Перияпуранамах». Секкижар называет Самбандара «дитя Бога» (*āḷuṭaiya piḷḷaiyār*) (Periya Purāṇam 1985: 149), а также, повествуя об эпизоде с описанием церемонии надевания на мальчика-святого священного шнура, пишет: «Ведийские жрецы совершили ритуалы и церемонию надевания священного шнура..., считая, что он не отличается от других людей в мире, он, благословленный состоянием не рождаться вовсе» (*oru pirappum eytāmai uṭaiyar*) (Periya Purāṇam 1985: 151). Слова Секкижара требуют объяснений.

Как отмечает пандит Н. Махалингам (Periya Purāṇam 1985: 145–150), традиционно считается, что существуют две категории бхактов: **джива-коти** (санскр. *jivakoṭi*) — обычные люди, и **ишвара-коти** (санскр. *iśvarakoṭi*) — божественные посланники. Бхакты первой категории должны прилагать самостоятельные усилия на духовном пути, внутренне совершенствовать себя — менять свое сознание, совершать аскезу, отказываться от мирских благ⁴³. Когда они достигают высшей цели духовного пути, то на них перестает воздействовать закон кармы и они больше не перерождаются. Духовная работа над собой способствует покаянной тематике в их гимнах. Бхакты второй категории — **ишвара-коти**, обладая знанием божественной истины и будучи свободными от закона кармы, могут по собственному желанию воплощаться на земле из великого сострадания к человечеству, подобно божественным воплощениям — *аватарам*, чтобы выполнить великую миссию — восстановить утраченную на земле справедливость, помочь другим людям достичь божественного знания. Если в традиции вишнуитов бог Вишну сам воплощается на земле как

⁴² vētavēḷviyai nintaṇai ceytu uḷal
ātam i(1)li amaṇoṭu tērarai
vātil veṅṅu aḷikkat tiru_uḷlamē
pāti mātu uṭaṇ āya paramaṇē
nālam niṇ pukaḷē mika vēṇṭum, teṇ-
ālavāyil uṭaiyum em ātiyē

⁴³ А. М. Дубянский выявил типологию жизнеописания шиваитских бхактов, относящихся к типу *джива-коти* (Бычихина, Дубянский 1987: 61–62).

аватара (известны десять *аватар* Вишну), то Шива традиционно никогда сам не воплощается на земле ради выполнения божественной миссии, а «посылает» на землю *ишвара-коти*.

Типология жития у наяноров в основном относится к более распространенной категории бхактов — *джива-коти*. Самбандар же, согласно традиции, был *ишвара-коти* — не связанным законом кармы божественным посланником, воплотившимся на земле с особой миссией. Статус «сына Бога» объясняет отсутствие покаянной тематики в его гимнах (точно так же, как и предполагаемый факт, что поэт мог быть ребенком).

ЛЕГЕНДА О ПОЭТЕ-РЕБЕНКЕ И ШИВАИТСКИЙ МИФ

Итак, Самбандар у наяноров считается мессией, которого Шива послал на землю ради установления шиваизма и победы над джайнами. Исходя из этого фигура святого имеет особое значение для всей традиции, а его житие (притом что жизнь его была коротка) занимает наибольший объем в сборнике житий 63-х наяноров «Перияпуранам» (хотя жития Аппара и Сундарара также довольно обширны, но эти поэты и жили дольше). Примечательно, что легенда о Самбандаре отражает популярный в шиваитских пуранах миф о боге Сканде — сыне Шивы⁴⁴. Согласно этому мифу, Сканда, будучи ребенком, по просьбе богов и небожителей, ради восстановления мировой гармонии и справедливости убивает могущественного асуру Тараку, который обрел власть над всей вселенной. Чудесное рождение Сканды изначально было предопределено этой великой миссией⁴⁵. Между мифом о Сканде и легендой о Самбандаре очевидны параллели. Самбандар, как и Сканда, во-первых, был ребенком, а во-вторых, выполнял миссию, которая заключалась в победе над «враждебными» вероучениями джайнов и буддистов — религиями, ставшими для шиваитов явными носителями «зла», как и асура Тарака для всей вселенной в мифе. Кроме того, Самбандар, согласно традиции, считается «сыном» Шивы, как и мифологический Сканда. В целом в житии святого находит отражение универсальная мифологема — представление о борьбе светлых и темных сил, порядка и хаоса⁴⁶ (или — в преображенной форме — борьба богов с асурами-демонами).

Известно, что шиваизм к X–XI вв. составил основу государственной идеологии тамильских империй и агиографический сборник «Перияпуранам» Секкижара был своего рода «политическим заказом». Текст жития Самбандара в «Перияпуранаме» изобилует элементами государственной идеологии, «пропаганды» шиваизма и тамильского образа жизни. Автором прямо подчеркивается превосходство тамильской страны («южной страны») над другими странами и выражается острая нетерпимость к «чужакам» — буддистам и джайнам.

Судя по всему, перед правителями тамильских империй (прежде всего Чолов) для укрепления власти остро стояла задача воздействовать на коллективное сознание людей, выработать идеологию, для чего, как и в любую другую историческую эпоху, требовалось сотворить соответствующий «красивый» миф. Легенда о Самбандаре, в каком бы виде она изначально ни существовала, идеально подошла для его построения.

Образ поэта — самый мифологизированный в «Перияпуранаме». То же самое можно сказать о его творчестве. При сравнении с гимнами других наяноров (Аппара и Сундарара) создается впечатление, что его гимны подверглись «идеологической» редакции в наибольшей степени⁴⁷. Здесь я основываюсь на двух моментах: а) каждая 11-я строфа падигамов (о выгоде от слушания поэзии, *пхала-ирути*) содержит восхваление не только Шивы, но и всего тамильского и их автора Самбандара, в связи с чем подчеркивается, что он тамил, а строфы созданы на великом

⁴⁴ Первым такую идею высказал А. М. Дубянский.

⁴⁵ Подробно о мифе о Сканде см.: (Тёмкин, Эрман 1982: 169–184).

⁴⁶ Об этом подробнее см.: (Павлова 2014: 83).

⁴⁷ Редактором текстов сборника «Деварам» традиционно считается некий служитель храма Ганеши из Нарейура Намби Андар Намби (X–XI вв.).

и прекрасном тамильском языке⁴⁸; б) каждая десятая строфа содержит хулу джайнов и буддистов. У других поэтов подобная строфа с фиксированным положением в падигамах отсутствует. При этом в общей структуре гимнов-падигамов у всех трех поэтов в целом наблюдается сходство⁴⁹.

Эти два вида строф у Самбандара, на мой взгляд, хотя это сейчас и недоказуемо, могли указывать на работу редактора, который в творчестве и житийных историях других двух поэтов «Деварама» нашел меньше оснований для идеологической мифологизации их фигур.

Исследование творчества и жития Самбандара показывает, как легенда о ребенке-поэте трансформируется не просто в традиционную агиографию святого, а в довольно искусственно созданный миф о «сыне Бога», мессии, фигура которого приравнивается к *аватару*. Можно образно говорить о том, что миф о Самбандаре является краеугольным камнем в фундаменте шиваитской идеологии у средневековых тамиллов.

Вместе с тем в легендарном жизнеописании ребенка-поэта можно усмотреть и мотивы, общие для мифологического сознания древности в легендах и мировой литературе: это тема «богатырского» или «героического детства», которая встречается в эпосе и мифологических сказаниях разных народов. Для Индии наиболее яркими примерами этой темы являются мифы о Сканде (Муругане) и Кришне-ребенке.

При всех невероятных чудесах в житиях двух других поэтов «Деварама» — Аппара и Сундарара — даже при беглом взгляде на их творчество с большей уверенностью можно утверждать, что они все же были реально существовавшими личностями в средневековом религиозно-культурном контексте, хотя истории их жизни и обросли легендами. В случае с Самбандаром такой уверенности, к сожалению, нет. В результате изложенного выше анализа его творчества в том виде, в каком оно до нас дошло, было выявлено при достаточно высоком поэтическом уровне гимнов практическое отсутствие указаний на личностные качества поэта, даже в рамках средневековой религиозной традиции, включая покаянные излияния души и личные любовные отношения с женщинами.

В рамках гипотезы, предполагающей, что поэт действительно существовал и был гениальным ребенком, такие особенности творчества могут отражать детскую чистоту души. Но в нашем современном понимании неизбежно сомнение по поводу существования настолько гениальных детей.

В соответствии с другой гипотезой (если предположить, что гимны Самбандара действительно принадлежали хотя и молодому, но взрослому поэту, жизнеописание которого было трансформировано в миф о ребенке — божественном посланнике) следует отдать должное виртуозно кропотливой работе редактора его творчества, отсеявшего в огромном по объему тексте указания на то, что поэт был взрослым. Таким образом, произошло своего рода стирание его личности. В этом случае редактор безукоризненно сделал для достижения своей задачи все возможное, невозможно лишь было изменить «взрослый» уровень поэтики гимнов.

Вполне допустим и третий вариант, при котором взрослый молодой поэт мог обладать детской чистотой души, отразившейся в его творчестве, и такие особенности творчества могли вдохновить автора жития поэта на трансформацию его образа в образ чудесного ребенка-мессии.

Учитывая невозможность исчерпывающего доказательства ни одной из перечисленных выше, а также любых других подобного рода гипотез, в наше время бесполезно искать ответ на вопрос, сформулированный устойчивым русским выражением «А был ли мальчик?» Однако с уверенностью

⁴⁸ В гимнах Аппара, например, *пхала-шрути* посвящены Шиве и демону Раване и не упоминается даже имени поэта. У Сундарара, однако, некоторые строфы *пхала-шрути* близки к аналогичным строфам у Самбандара: так же упоминаются имя и место рождения поэта, его тамильская принадлежность и тамильский язык.

⁴⁹ Данное утверждение о сходстве общей структуры падигамов у трех поэтов, однако, требует полного анализа, представить который в данной статье у меня нет возможности. При поверхностном взгляде на текст «Деварама» очевидно, что строфа падигамов у Самбандара, Аппара и Сундарара обычно содержит: а) имена и хвалебные мифологические описания Шивы, б) названия и описания географических мест на земле, где Бог пребывает, включая пейзаж и его обитателей. И те и другие описания даются в виде параллельных синтаксических конструкций. Некоторые представляют собой так называемые «стержневые фразы» либо повторы. Иногда в строфах дополнительно присутствуют призывы к Шиве и его бхактам, просьбы к нему, которые также могут повторяться в рамках одного падигама.

можно говорить о том, что какой бы реальная история Самбандара ни была, она, соединившись в сознании средневековых тамильских бхактов с мифом о сыне бога Шивы Сканде, стала основой нового шиваитского мифа о ребенке с божественной миссией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Бычихина Л. В., Дубянский А. М.* Тамильская литература. Краткий очерк. М., 1987.
- Павлова М. Б.* Проблемы раннесредневекового тамильского бхакти (на материале гимнов шиваитского поэта Тирунянасамбандара): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014 (на правах рукописи).
- Пятигорский А. М.* Материалы по истории индийской философии. М., 1962.
- Тёмкин Э. Н., Эрман В. Г.* Мифы древней Индии. М., 1982.
- Periya Purāṇam. A Tamil Classic on the Great Saiva Saints of South India. Mylapore, Madras, 1985.
- Periya Purāṇam. Panniṟu Tirumurai patippu niti veliyitu № 19. Ceṇṇai, 1970.
- Saint Sekkizhar's Periya Puranam. Thiruttondar Puranam. Tiruvannamalai, 2008.
- Tēvāram. Hymnes Sivaites du Pays Tamoul. Édition établie par T. V. Gopal Iyer, sous la direction de François Gros. Vol. I. Ṇāṇacampanṭar // Publications de l'Institut Français d'Indologie. № 68 (1). CCXXV. Pondichéry, 1984a.
- Tēvāram. Hymnes Sivaites du Pays Tamoul. Édition établie par T.V. Gopal Iyer, sous la direction de François Gros. Vol. II. Appar et Cuntarar // Publications de l'Institut Français d'Indologie. № 68 (1). XVIII. Pondichéry, 1984b–1985.
- The Tiruvacakam or "Sacred utterances" of the Tamil poet, saint, and sage Manikkavacagar. Oxford, 1900.

THE LEGEND OF THE CHILD POET. SAMBANDAR: MYTH AND REALITY

ABSTRACT. This article presents an analysis of the hagiography and legacy of the Tamil medieval saint Sambandar (seventh century). According to the legend, he lived only 16 years and, being an extremely gifted child, created and sang a multiplicity of hymns dedicated to the Hindu god Shiva. The poetic skill displayed in his hymns is in no way inferior to the poetry of his grown up contemporaries. Comparing Sambandar's hymns with those of other poets, the author attempts to find evidence proving the infant age of Sambandar, such as naming himself 'a child', absence of penitential motives, and lack of love motifs and elements of 'personal life experience' in his poetry. Although some puzzles concerning the real life story and poetry of the miraculous 'boy saint' remain unsolved, the article demonstrates that the poetic image of Sambandar presents a quite elaborately constructed myth, which became part of the Shaivite mythology in South India and the 'keystone' of the state religious ideology of the time.

KEYWORDS: South India, Nayanar, Shiva, Tamil bhakti, child poet

MARIA B. PAVLOVA — Researcher, PhD, participant of the weekly seminar "Classical Tamil literature (reading and interpretation of ancient and medieval Tamil texts)", Institute of Oriental and Classical Studies under Higher School of Economics (Moscow, Russia)

E-mail: marpa470@gmail.com

Рис. 1. Бронзовая статуя Самбандара в музейном комплексе г. Танджавур

Рис. 2. Самбандар в паланкине. Фрагмент фрески из храма богини Минакши, г. Мадурай